

«Зигги Вильциг — человек большой смелости и веры».

Эли Визель, лауреат Нобелевской премии мира

НЕПОКОРОЕННЫЙ

Лучшая книга
о Холокосте
(Best of Los Angeles
Award, 2021)

18+

**ОТ ЧУДОМ УЦЕЛЕВШЕГО В ОСВЕНЦИМЕ
ДО ЛЕГЕНДЫ УОЛЛ-СТРИТ:
ВЫДАЮЩАЯСЯ ИСТОРИЯ ЗИГБЕРТА ВИЛЬЦИГА**

Джошуа Грин

Джошуа Грин

**Непокоренный. От чудом
уцелевшего в Освенциме до
легенды Уолл-стрит: выдающаяся
история Зигберта Вильцига**

«Азбука-Аттикус»

2020

УДК 94(100)"1939/45" + 94(73).092
ББК 63.3(0)62 + 63.3(0)63(7Сое)

Грин Д.

Непокоренный. От чудом уцелевшего в Освенциме до легенды Уолл-стрит: выдающаяся история Зигберта Вильцига / Д. Грин — «Азбука-Аттикус», 2020

ISBN 978-5-389-21096-7

На основе подлинного материала – воспоминаний бывшего узника нацистских концлагерей, а впоследствии крупного американского бизнесмена, нефтяного магната, филантропа и борца с антисемитизмом, хранителя памяти о Холокосте Зигберта Вильцига, диалогов с его родственниками, друзьями, коллегами и конкурентами, отрывков из его выступлений, а также документов из фондов Музея истории Холокоста писатель Джошуа Грин создал портрет сложного человека, для которого ценность жизни была в том, чтобы осуществлять неосуществимые мечты и побеждать непобедимых врагов. В каждой строке биографии героя этой книги, с честью пережившего «самый темный час в истории» с его тяжелейшими испытаниями, но потерявшего в годы нацизма своих самых близких людей, заключен универсальный, вдохновляющий и подлинно гуманистический смысл. «Вероятно, такого бизнесмена, как Зигги Вильциг, больше не будет никогда: это единственный выживший узник Освенцима, который бедным и необразованным приехал в Америку и из уборщика фабричных туалетов превратился в президента котируемой на Нью-Йоркской фондовой бирже нефтяной компании и коммерческого банка с многомиллиардным капиталом. То, что ему удалось добиться такого успеха в двух самых антисемитских отраслях экономики послевоенной Америки, делает его достижения еще более впечатляющими. Зигги был неквалифицированным работником, имевшим лишь начальное образование, к тому же иностранцем: он приехал из Европы с 240 долларами в кармане и первый свой доллар в Америке заработал на уборке снега. Все, с кем я беседовал при подготовке этой книги, сходились в одном: никто из них не знал ни одной другой судьбы, напоминавшей судьбу Зигги хотя бы отдаленно. Хотя все опрошенные говорили о его чудесном спасении после

многолетних страданий Холокоста, больше всего они подчеркивали то, как ему удалось преодолеть эти трагические события и стать значимой фигурой в американском бизнесе». (Джошуа Грин) В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

УДК 94(100)"1939/45" + 94(73).092

ББК 63.3(0)62 + 63.3(0)63(7Сое)

ISBN 978-5-389-21096-7

© Грин Д., 2020

© Азбука-Аттикус, 2020

Содержание

Пролог	8
Пролог	9
1	11
2	16
3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Джошуа Грин

Непокоренный. От чудом уцелевшего в Освенциме до легенды Уолл-стрит: выдающаяся история Зигберта Вильцига

© Ivan Wilzig, 2020

© Joshua M. Greene, text, 2020

© Deborah E. Lipstadt, Ph. D., foreword, 2020

© Коробейников А. Г., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2022
КоЛибри®

* * *

История Зигги Вильцига – это своего рода переложение истории о Давиде и Голиафе, которое напоминает нам, на что способен человек. Уникальная, захватывающая биография.

Майкл Беренбаум, в прошлом президент фонда Визуальной истории переживших Холокост, бывший глава Мемориального музея Холокоста США

Одновременно мощный и трогательный рассказ... Зигги стал ролевой моделью на многие века. Фантастическая история успеха.

Абрахам Купер, раввин, заместитель декана и директор по глобальным вопросам, Институт социального действия

Эда Снайдера, Центр Симона Визенталя

У Зигги было сердце чемпиона по боксу. Он атаковал с любого угла, встречал несущие смерть удары, оправлялся от них снова и снова и никогда не сдавался. Вы обязаны прочесть эту книгу. Она отправляет в нокаут!

Юрий Форман, боксер, чемпион мира по версии WBA во втором полусреднем весе (2009–2010)

Зигги понимал истину, которая часто ускользает от экспертов финансового мира: человеческая природа – вот главный фактор, формирующий рыночные тенденции. Для человека почти без образования и без опыта в бизнесе его достижения после освобождения столь же впечатляющи, как и сам факт его выживания. Увлекательное чтение, очень трогательное и поучительное.

Нуриэль Рубини, профессор экономики и международного финансового дела, один из ста наиболее влиятельных людей мира (по версии Time), самый влиятельный экономист в мире (по версии Forbes)

Учитывая отсутствие у Зигги образования, его достижения в бизнесе кажутся невероятными. Его жизнь была испытанием человеческой выносливости – героическая и исключительная.

Марк Белл, управляющий партнер Marc Bell Capital

Усердный труд, интуиция и вера позволили Зигги Вильцигу после ужасов Освенцима попасть в высшие сферы делового мира. Хотя болезненные воспоминания никогда не оставляли его, опытом Зигги теперь будут вдохновляться другие.

Марк Ледер, соруководитель Sun Capital

Мощная фигура, настоящий боец, всегда стремившийся помогать людям. Человечеству нужны такие люди, как Зигги Вильциг, чтобы мы оставались человечными.

Фрэнк Гварини, конгрессмен США

Зигги Вильциг научил всех нас тому, что необязательно быть жертвой обстоятельств. Я мечтаю, чтобы в нашем мире больше людей жило по его примеру.

Дональд Пейн, конгрессмен США

В этой книге повествуется о стойком человеческом духе и его способности преодолевать самые страшные трудности. Своевременная и захватывающая история для всех нас.

Кати Мартон, корреспондент ABC News, лауреат George Foster Peabody Award

Пролог

Я преподаю историю Холокоста уже более сорока лет и часто приглашаю выживших узников выступить перед моими студентами. Среди них был еврей, выросший в Германии и ставший свидетелем подъема Третьего рейха; еврей, попавший в гетто и рассказавший об ужасах жизни там; еврей, выживший в лагере смерти Освенцим¹ и описавший самую жуткую в мире бойню; еврей, которому удалось спрятаться и который рассказывал о тяжелейшей психологической травме из-за разделения с семьей и необходимости присвоить себе новую личность. Какие бы интеллектуальные задачи ни ставили мои лекции, подобные выступления – это то, что мои студенты всегда помнят лучше всего. Многие из них до того никогда не встречали выживших во время Холокоста, и эти знакомства всегда доходят прямоком до их сердца.

Эта книга появляется исключительно вовремя: к сожалению, практически все, чьи рассказы о Холокосте наиболее убедительны, уже ушли из жизни. Вот почему видеозаписи интервью, воспоминания и биографии выживших, таких как Зигги Вильциг, столь важны. Всем, кто выжил в Освенциме, как Зигги, всем, кто видел, как людей пытали, избивали и убивали, есть что рассказать; однако эта книга существенно отличается от большинства других воспоминаний и биографий, что добавляет ей значимости: она описывает и деятельность героя после Холокоста. Каково Зигги было перестраивать свою жизнь? Как ему удалось справиться? Каково ему было растить детей, чьи родственники почти все были убиты в концентрационных лагерях? Как он обрел уверенность, чтобы сделать все это? Как он смог вновь научиться радоваться? Мог ли он снова поверить в Бога?

То, что произошло с Зигги после освобождения, – неотъемлемая часть чуда его спасения. Не у каждого из тех, кто выжил в темные времена, были средства для того, чтобы начать с нуля: многие потеряли всё и всех. Зигги восстал из пепла; он не сдавался и неуклонно двигался вперед. Безусловно, как и многие другие бывшие узники, Зигги страдал от эмоциональных травм и имел свои недостатки. В конце концов, он был всего лишь человеком. Однако Зигги надеялся оставить след в этом мире, был полон любви к жизни, стремился внести свой вклад – и все это удалось ему наилучшим образом.

Однако его постоянно беспокоила проблема антисемитизма, из которой вырос Холокост, и возникающих реваншистских настроений. Он был возмущен, подобно любому нормальному человеку, угрозой со стороны отрицателей Холокоста. Он опасался, что из-за их пропаганды люди забудут о прошлом и станут жертвами той ненависти, что лежала в основе Холокоста. К сожалению, как мы видим, опасения Зигги были небезосновательны.

Эта биография знакомит читателя со всеми сторонами исключительно интересной жизни героя и заставляет нас восхищаться его достижениями.

Дебора Липстадт, историк, профессор Института новейшей еврейской истории и изучения Холокоста (Университет Эмори)

¹ В этой книге используется традиционное для русскоязычной историографии название комплекса концентрационных лагерей. В мировой практике есть тенденция различать по названию польский город Освенцим и немецкий концлагерь (главный корпус – Аушвиц I, лагерь с бараками, газовыми камерами и крематориями – Аушвиц II, или Биркенау). – *Прим. ред.*

Пролог

Вероятно, такого бизнесмена, как Зигги Вильциг, больше не будет никогда: это единственный выживший узник нацистских концлагерей Освенцим и Маутхаузен, который бедным и необразованным приехал в Америку и из уборщика фабричных туалетов превратился в СЕО котируемой на Нью-Йоркской фондовой бирже нефтяной компании и коммерческого банка с многомиллиардным капиталом. То, что ему удалось добиться такого успеха в двух самых антисемитских отраслях экономики послевоенной Америки, делает его достижения еще более впечатляющими. Большинство руководящих постов в акционерных компаниях открытого типа занимают мужчины, родившиеся в Америке, получившие образование в одном из колледжей Лиги плюща, происходящие из влиятельных семей и имеющие степень МВА.

Зигги был неквалифицированным работником, имевшим лишь начальное образование, к тому же иностранцем: он приехал из Европы с 240 долларами в кармане и первый свой доллар в Америке заработал на уборке снега.

Все, с кем я беседовал при подготовке этой книги, сходились в одном: никто из них не знал ни одной другой судьбы, напоминавшей судьбу Зигги хотя бы отдаленно. Хотя все опрошенные говорили о его чудесном спасении после многолетних страданий Холокоста, больше всего они подчеркивали то, как ему удалось преодолеть эти трагические события и стать значимой фигурой в американском бизнесе. Хотя его рост составлял всего около 160 сантиметров, все описывают его мощь и бесстрашие перед лицом грозных соперников. Один из его бывших коллег за достижения сравнил его с Давидом – воином небольшого роста, который благодаря гибкости и точности поверг гиганта Голиафа и стал царем Израиля, – и предположил, что триумф Зигги над врагами-антисемитами был не менее поразителен, чем победа его библейского прототипа.

Судя по сохранившимся записям публичных выступлений Зигги, он обладал и вдохновенным голосом царя Давида. Ораторские способности Зигги один его бывший партнер назвал «шекспировскими». Например, когда его первым из переживших Холокост пригласили выступить перед офицерами и кадетами в Военной академии США в Вест-Пойнте, его речь, согласно газете *New York Times*, носила «яркий» и «личный» характер: он так красноречиво описывал ужасы Освенцима, что плакали и кадеты, и закаленные ветераны. Его голос, четкий и ясный, несмотря на заметный немецкий акцент, в тот момент дрожал от передаваемых эмоций. Он хорошо понимал, когда поднять палец, чтобы заострить внимание, когда остановиться, когда схватиться руками за трибуну, когда наклониться вперед к слушателям для достижения эффекта интимности. Зигги выступал так же, как жил: всем своим существом проявляя повышенное внимание к деталям и изо всех сил стараясь просветить своих слушателей, и те уходили с этих встреч вдохновленными как этим человеком, так и его речью.

Клиенты, друзья и партнеры по бизнесу описывали его с тем энтузиазмом, который обычно приберегают для мировых лидеров, не скупясь на такие эпитеты, как «незабываемый», «вулканический», «гениальный». Другие называли его «непреодолимой силой природы» и «самым блестящим из всех, кого я встречал». Но никто не забывал добавить в его описание ту черту, которая, как всем было известно, значила для него больше всех остальных: он пережил Холокост.

Хотя представить полную картину всего, что испытал Зигги во время Холокоста, уже было серьезной задачей, еще большей проблемой стало описать его перерождение после освобождения в одну из главных фигур в бизнесе послевоенной Америки. Каждый партнер, конкурент или сотрудник Зигги, опрошенный для этой книги, жаждал поделиться своей любимой историей о нем, и каждая из этих поразительных, часто забавных, а порой шокирующих исто-

рий добавляла свои штрихи к портрету сложного человека, для которого ценность жизни была в том, чтобы осуществлять неосуществимые мечты и побеждать непобедимых врагов.

Зигги не боялся никого; для него не существовало слишком опасных соперников. Например, когда Совет управляющих Федеральной резервной системы – центральной банковской системы правительства США – обязал его избавиться либо от нефтегазовой компании, либо от банка, Зигги подал в суд, став первым в истории человеком, решившим судиться с Федеральной резервной системой. Выиграть эту войну он не мог, но его обуревало стремление вести праведные битвы. Прошло уже полвека, а этот примечательный случай до сих пор проходят в юридических вузах.

В жизни Зигги многое объяснялось тем, что он пережил Холокост. Однако в неудержимом стремлении бывшего узника и иммигранта забыть о горьком прошлом и построить лучшее будущее можно найти универсальный, вдохновляющий и подлинно гуманистический смысл.

1

Обещания

Утром 12 декабря 1947 года, когда начиналась одна из самых холодных зим в истории Америки, пассажиры океанского лайнера «Марин Флетчер» высыпали на палубу поглядеть на статую Свободы, которая встречает прибывающие корабли, воздевая факел свободы на тридцать метров в небо. «Жизнь в Америке прекрасна, – пели они, взявшись за руки, – цветы здесь красивее, жизнь намного легче...» Пароходу водоизмещением 36 600 тонн потребовалось тринадцать дней на маршрут из немецкого Бремерхафена.

Двадцатиоднолетний Зигберт Вильциг страдал от головокружения и тошноты и за две недели океанского путешествия сильно потерял в весе. Услышав возгласы радости, он с трудом выбрался на верхнюю палубу и сделал глубокий вдох. Свежий воздух был настоящим облегчением после дурных запахов, неизбежных в условиях переполненной людьми нижней палубы. Зима соткала за статуей Свободы серебряную сеть из снега и облаков; ни одного здания не было видно, и в утренней дымке все его внимание приковывала зеленоватая, начавшая окисляться Свобода. Двигатели «Марин Флетчер» продолжали работать, и палуба под его ногами пульсировала и гудела. Статистика, собранная после освобождения, показывала, что практически все евреи, отправленные в Освенцим, умирали в течение четырех месяцев. Но он был жив и попал в Америку – после почти двух лет, проведенных в этом концентрационном лагере.

Пароходы были слишком велики, чтобы бросить якорь на острове Эллис, так что порттовые огни указали «Марин Флетчер» путь к причалу в миле от него – в проливе Веррацано-Нарроус. К левому борту швартовались паромы, забирали пассажиров и их поношенные чемоданы и доставляли на остров Эллис, где оформлялась процедура иммиграции.

Зигберт был молод, но годы в концентрационном лагере научили его, что часто внешний вид может стать вопросом жизни и смерти. После освобождения он заработал немного денег и приобрел модную фетровую шляпу, зимнее пальто и строгие брюки, что помогло ему войти в офис миграционной службы с достоинством, несмотря на изматывающее путешествие через Атлантический океан. Окна в одноэтажном зале прибытия были закрыты из-за зимнего мороза. Трехлопастные металлические вентиляторы, прикрученные к деревянным стенам, гнали зловонный воздух. Зал украшали застекленные портреты американских президентов. Зигберт приостановился, чтобы изучить собственное отражение и так причесать густые черные волосы, напоминавшие львиную гриву, чтобы добавить лишний дюйм к своему скромному росту.

Сотрудники миграционной службы увидели в его паспорте пометку об особом привилегированном статусе, которую он получил благодаря работе на Службу военной контрразведки США, и сразу же его пропустили. Зигберт – позднее сменивший имя на Зигги Берт Вильциг, посчитав такой вариант менее европейским и более удобным для произношения, – взглянул на толпу собравшихся за деревянным барьером, который отделял Америку от остального мира. Там оставалась его старшая сестра Дженни, которая больше других родственников напоминала их любимую покойную мать. Увидев сестру, он сразу вспомнил весну 1936 года, когда ему, Дженни и другим членам семьи пришлось бежать от нападения антисемитов из Кроянки в Западной Пруссии². Когда сгустились сумерки, семейство Вильциг забралось в полувагон и отправилось в Берлин, где родственники устроили их в трехэтажном доме на Георгенкирхплац рядом с большой площадью Александерплац.

Когда семья устроилась на новом месте, Зигберт одолжил велосипед брата Эрвина и стал ездить по Берлину. Прислушиваясь к разговорам в кафе, он узнал, что некоторым удава-

² Ныне город Краенка в Польше. – *Здесь и далее, если не указано иное, прим. автора.*

лось уехать из Европы, обзаведясь выездными визами. Зигберт посетил с десяток консульств в поисках черных ходов и открытых окон, через которые можно было бы украсть необходимые документы. В одном консульстве он видел, как женщина на последних неделях беременности прорвалась через полицейское оцепление и вбежала внутрь. Консульства были островками безопасности, не подчиняясь германскому праву, и родившийся там ребенок мог свободно эмигрировать. Эта женщина отчаянно хотела спасти свое дитя, даже если для этого нужно было рожать в общественном туалете.

За несколько следующих недель Зигберт, рискуя жизнью, залезал на стены посольств, вламывался в конторы и собирал резиновые печати. При помощи украденных инструментов ему удалось подделать три визы. Две из них он предложил родителям, но его мать Софи отказалась. «Здесь я родилась, – сказала она, – здесь я и умру». Ее визу Зигберт отдал старшему брату Джо, которому удалось освободиться из концентрационного лагеря Дахау. Зигберт понимал, что Джо уже обречен и ему нужно покинуть Германию как можно быстрее. В юности Джо был боксером, и, судя по некоторым письмам из архива Вильцигов, Зигберт мог написать в визовой анкете, что виза выдана «для участия в спортивных состязаниях».

Его сестра Дженни была беременна, и Зигберт настоял, чтобы они с мужем, которого тоже звали Джо, приняли две оставшиеся визы. 10 июня 1940 года, когда гитлеровские войска маршировали по Франции, Бельгии и Нидерландам, Дженни и Джо уехали из Германии и поселились в Шанхае. Из Китая они впоследствии переехали в Доминиканскую Республику, где оказались среди восьмисот евреев, которым было предоставлено временное жилье в городе Сосуа на севере страны, и сводили концы с концами, заведя молочную ферму.

Среди английских книг и журналов, продававшихся в убогих магазинах Сосуа, Дженни обнаружила экземпляр американского справочника «Желтые страницы» (Yellow Pages). Она купила его за три доллара и стала искать названия ювелирных магазинов, рассчитывая, что ювелиры будут достаточно состоятельны, чтобы предоставить гарантийное письмо о финансовой поддержке для нее и мужа. В разделе «Ювелиры Род-Айленда» она нашла еврейскую фамилию Сильверман и отправила письмо с изложением их ситуации. Через несколько недель был получен благоприятный ответ от господина Сильвермана, который согласился предоставить необходимые документы, так что вскоре Дженни и Джо уехали в Соединенные Штаты.

Воссоединившись с Зигбертом в Америке, Дженни сообщила ему трагическую новость: их пятилетняя дочь Маргит умерла от оспы еще в Шанхае, до переезда в Доминиканскую Республику. Зигберт вспомнил, как умирали сотни других детей, как их загоняли в газовые камеры и сжигали их мертвые тела в печах крематориев, и мысленно провел переключку своей семьи³. Он был жив. Дженни и ее муж были живы. Их братья Джозеф и Эрвин тоже смогли спастись. Все остальные погибли, включая четырех других братьев и сестер и их детей. В последующие годы он посчитал точнее: погибли пятьдесят девять членов их семьи.

В потайном кармане чемоданчика Зигберт спрятал двести сорок долларов. Порывшись в кармашке, он вынул оттуда сорок долларов и бережно передал в руки Дженни, наказав купить на них билет на автобус, посетить мистера Сильвермана из Род-Айленда и выразить личную благодарность человеку, который помог ей попасть в Америку. Дженни попыталась отказаться от подарка, говоря, что у нее есть и собственные деньги, но Зигберт настоял, чтобы она взяла эти сорок долларов и навестила своего благодетеля. Благодарность – это отличительная черта вежливых людей, особенно евреев, которым повезло попасть в Америку благодаря помощи других.

³ Узников, отобранных для уничтожения в Освенциме, заставляли раздеться догола, запирали в газовые камеры и умерщвляли газом «циклон-Б». После убийства уборщики из числа заключенных вытаскивали трупы из газовых камер, отрезали женщинам волосы для набивки матрасов, щипцами вырывали золотые зубы и сжигали тела в ямах и печах крематориев. Пепел использовался для удобрений или просто выбрасывался.

В течение двух лет после переезда Дженни и Джо в Америку она нашла работу на фабрике на Лоример-стрит в Уильямсбурге, полном беженцев районе Бруклина. На сборочной линии по производству галстуков-бабочек Дженни работала «переворачивательницей». Она получала открытые с одной стороны шелковые галстуки, вставляла под шов металлическую стрелочку, похожую на автомобильную антенну, и выворачивала бабочки наизнанку. Когда шов был готов, она металлическим прутиком выворачивала бабочку обратно, тем самым скрывая стежок. Такова была ее работа: шесть дней в неделю, двенадцать часов в день.

У иммиграционного отдела Зигберта встречала и представительница ХИАС – Общества помощи еврейским иммигрантам (Hebrew Immigrant Aid Society, HIAS), которую можно было легко опознать по белому эмалированному значку в петлице жакетки и темно-синей нарукавной повязке. ХИАС существовало с 1881 года, но никогда еще им не приходилось проявлять такую активность в деле приема и обустройства еврейских иммигрантов, как после Второй мировой войны. «Окончательного решения» – нацистского плана по искоренению еврейской нации – удалось избежать 150 тысячам беженцев. Теперь они направлялись в Америку, и всем им нужно было где-то жить. Сотрудница ХИАС объяснила, что им удалось найти для Зигберта бесплатную комнату в отеле «Марсель» в Гарлеме на первые несколько месяцев. Его сестра Дженни предлагала ему пожить с ней, но перспектива жить отдельно манила Зигберта больше, чем делить скромную квартирку с сестрой. Он только что прибыл в Америку – и здесь он будет выдвигать свои условия. Он поцеловал сестру на прощание и обещал позвонить сразу, как только обустроится.

Он вышел из здания иммиграционного центра и попал в самую ужасную снежную бурю за много лет. Сев на паром, он вскоре прибыл на Манхэттен. Буря так усилилась, что волонтерам ХИАС пришлось воспользоваться санями, чтобы перевозить чемоданы от дока к ожидающим автобусам. Зигберт сел в автобус компании «Грейхаунд» и часом позже сошел на углу Бродвея и 103-й улицы, где располагался отель «Марсель». После кризиса фондового рынка 1929 года одиннадцатизэтажный отель в стиле бозар⁴, построенный из кирпича и известняка и увенчанный наклонной мансардной крышей, потерял значительную часть своей привлекательности. Ныне сорокалетнее здание стало обветшавшим перевалочным пунктом для беженцев.

Осмотревшись в вестибюле, Зигберт увидел залы переговоров, пространство для отдыха, комнату для медсестры и кошерную столовую: подававшаяся здесь еда соответствовала диетическим требованиям иудаизма. В вестибюле одновременно разговаривали на десятке языков. Он подошел к доске объявлений и прочел предложения для иммигрантов о бесплатных уроках английского языка и сеансах фильмов, которые помогут им сориентироваться в жизни в Америке. В углу вестибюля висела огромная карта США, а рядом большими буквами было написано: «ВОТ ТАК ВЫГЛЯДИТ АМЕРИКА». К стене были прикреплены фотографии с городскими видами; ленточки от них вели к соответствующим местам на карте. Он видел, как прибывающие выстраиваются в очередь перед столом, где волонтеры распределяли платья и костюмы. Затем новоприбывших сопровождали в их номера. Многие из них впервые за долгие годы могли держать в кармане ключ от собственного жилья⁵.

Зигберт выглянул из окна и увидел торопящихся домой пешеходов, которых слепил снег. Возбуждение, охватившее его от приезда в Америку, отступило: его место начала занимать суровая реальность.

«И что теперь?» – подумал он. У него не было ничего: ни ресурсов, ни связей. Он говорил с сильным немецким акцентом, окончил только начальную школу, имел рост 157 сантиметров

⁴ Бозар – стиль архитектурного историзма, распространенный на рубеже XIX–XX вв. и продолжавший традиции Ренессанса и барокко. – *Прим. пер.*

⁵ *Helmreich*. P. 29–31.

и никак не мог забыть годы пыток и голода. Но он был здесь, все еще дышал и смотрел из окна на покрытые снегом улицы Нью-Йорка. По сравнению с прошлым он очутился в раю. Поездка на автобусе в Гарлем с острова Эллис была раем. Районные магазинчики, жилые небоскребы, грузовики с пивом – все это было раем. Комната с неприятным запахом в переполненном отеле с тараканами, бегающими по обшарпанному деревянному полу, сильный снегопад за окном, двести долларов, оставшиеся у него в кармане и грозившие быстро закончиться, если он не найдет работу, – все это было раем. На улице у отеля усталые пешеходы боролись с сильным ветром и высокими сугробами, что вызывало у Зигберта неприятные воспоминания о других суровых бурях, когда умирающие от голода мужчины и женщины плелись вперед в маршах смерти, одетые лишь в тонкие лагерные робы. Транспорт на нью-йоркских улицах стоял в пробках, водители постоянно гудели в клаксоны, нетерпеливо стремясь добраться до места назначения. Даже 21-летнему иностранцу вроде Зигберта было очевидно, что американцы, никогда не сталкивавшиеся с концентрационными лагерями, были во всех смыслах живыми людьми, целеустремленно двигавшимися к будущему и имевшими о нем довольно ясное представление. Это ему нравилось. Он тоже может стать таким: хвататься за возможности и не позволять тьме прошлого лишить его светлого будущего.

В этот критический момент своей новой жизни Зигберт дал себе три обещания. Во-первых, он никогда больше не будет голодать. Во-вторых, он женится на еврейской женщине, они заведут детей – новых евреев. В-третьих, он сохранит память о Холокосте и никогда не будет молчать, столкнувшись с несправедливостью. Иллюзий по поводу этих обещаний он не испытывал. Он понимал, что не сможет изменить мир, что антисемитизм никуда не денется и евреев всегда будут преследовать. Это был обычный порядок вещей. Но Всемогущий уже спас его, и теперь ему необходимо было свести воедино те куски, на которые распалась его жизнь, и возвести из них здание пока еще непонятных размеров и формы.

Глядя вниз из окна своего номера в отеле «Марсель», Зигберт вспоминал об обещании, которое дал после освобождения. Его лучшим другом в Освенциме был молодой парень шестью годами его старше по имени Лотар Нартельски. Зигберт обещал Лотару, что, добравшись до Америки, навестит его родителей. Судьба Лотара была печальной. Он родился с одной ногой слегка короче другой и при ходьбе прихрамывал – в 1932 году этого оказалось достаточно, чтобы отказать ему в выездной визе вместе с родителями, поскольку тогда в большинстве государств отказывались принимать беженцев с физическими повреждениями, которые не могли работать. У родителей Лотара не было выбора: если они хотели спасти ребенка, им нужно было покинуть Германию и попытаться устроить для него какую-нибудь визу. Чета Нартельски препоручила Лотара заботам другой семьи, порывала над его будущим и спешно заказала билеты на пароход в Америку. В какой-то момент, уже в Нью-Йорке, Нартельски сменили фамилию на Нартель и переехали в дом в Бронксе – в нескольких станциях метро от гостиницы «Марсель».

Сотрудник ХИАС в гостиничном вестибюле объяснил Зигберту, как работает система нью-йоркского метро. Он застегнул пальто на все пуговицы, чтобы как-то спастись от холода, дошел до ближайшего входа в метро, опустил пятицентовик в деревянный турникет, сел на подошедший поезд и доехал до конечной станции ветки – Ван-Кортландт-парк. Найдя дом Нартелей, он постучался. Ему открыла Кэти, жена Джейкоба Нартеля. Нартели знали о Зигберте из писем сыну, и, когда он представился, Кэти закричала: «О боже, Джейкоб! Это Зигберт! Он здесь!»

«В те дни люди все еще открывали двери незнакомцам, – вспоминал Зигги в одном из интервью. – У Нартелей была небольшая квартира с тремя спальнями, сиявшая чистотой, как это принято у немецких евреев. Отец Лотара Джейкоб продавал галстуки. Он делал это повсюду: в парикмахерских, в обувных магазинах, три галстука там, пять сям, дюжину еще

где-то. Увидев меня, они были поражены, но какой же потрясающий был ужин! Они хотели знать все: что случилось, как выжил их сын, как уцелел я».

Зигберт до того вечера еще никому не рассказывал свою историю. Что могли понять Нартели или кто угодно еще в рассказе о концентрационных лагерях, о вшах и грязи, о пытках, голоде и грудах мертвых тел? Барьер в понимании между теми, кто был в лагерях, и теми, кто этого избежал, был непреодолим. В 1940-х годах люди привыкли к фильмам о войне – Голливуд разрабатывал эту тему уже много лет, но у всех фильмов были начало, середина и конец. А для тех, кто пережил Холокост, «конца» не было. Однако Зигберт пообещал Лотару, чья виза была еще не готова, что найдет его родителей и расскажет обо всем, – и вот он рассказывал. Они должны были узнать.

Как и много лет спустя для фонда Стивена Спилберга Shoah Foundation⁶ – крупнейшего архива воспоминаний выживших – и на десятках лекций для других организаций, которые он читал всю жизнь, он проглотил боль и стал рассказывать свою историю.

⁶ Шоа – ивритское название Холокоста. Основанный Стивеном Спилбергом в 1994 г. «Фонд визуальной истории переживших Шоа» – некоммерческая организация, занимающаяся проведением аудиовизуальных интервью с теми, кто пережил Холокост или был его свидетелем. Сейчас организация располагается в Университете Южной Каролины и известна как Shoah Foundation.

2

«Сделаем еврейский фарш»

Зигберт Вильциг родился 11 марта 1926 года и был седьмым из восьми детей Софии Зоммерфельд и Исидора Вильцига, проживавших в городке Кроянке в Западной Пруссии в Германии. Родители Зигберта получили начальное образование в местной светской школе. Исидор был улыбочивым, красивым мужчиной с хорошим чувством юмора и любил читать газеты. Его жена София предпочитала книги. Когда Зигберту было пять лет, мать высказала ему свои ожидания: мальчик должен был хорошо учиться в школе и всегда соблюдать кашрут.

Как и другие еврейские семейства в Кроянке, Вильциги скорее бы остались голодными, чем согласились съесть некошерную пищу или заниматься делами в шабат. Если, например, клиент стучал в дверь местного ювелира в пятницу после захода солнца, то есть когда уже начался шабат, ювелир не открывал, даже если бизнес всю неделю шел неудачно.

Помимо обычной школы, Зигберт дважды в неделю посещал занятия в хедере – религиозной школе, где местный раввин обучал детей основам иудаизма и иврита.

Родной город Зигберта находился почти на самой восточной границе Германии – километрах в пятнадцать от полоски земли, именуемой Польским коридором. Этот коридор был отрезан от Германии по итогам Первой мировой войны в соответствии с положениями Версальского мира, ампутировавшего у Германии 13 % ее территории. Эта уступка германской земли полякам вызвала в Кроянке презрение к полякам как среди евреев, так и неевреев. Жители Кроянке обвиняли поляков и в растущей бедности городка: изменение границы привело к оскудению торговли. 3500 жителей городка работали на немногочисленных оставшихся предприятиях: фабриках одежды, красильных фабриках, пивоварнях, в гончарных мастерских, а также на кирпичном и черепичном заводах. Отец Зигберта Исидор покупал и продавал металлолом и овчину – этого хватало на скромную жизнь в городке, в котором стоимость недвижимости была одной из самых низких в Германии.

С ранних лет Зигберт привык действовать с замечательной уверенностью. Когда ему было шесть и он только начал ходить в школу, христианские мальчишки из деревни прокричали ему в лицо: «Убирайся в Палестину, *du kleine Jude Schweinehund!* Еврейский выродок!» Он посмотрел прямо на них и закричал в ответ: «Вы христиане, так убирайтесь в Рим!» – и убежал по грязным дорогам, петляя между домами и парикмахерскими, и добрался до леса, прежде чем его смогли догнать.

В рабочие дни он часто трусил рядом с деревянной повозкой своего отца Исидора по дороге на соседние фермы. Его возмущало, когда невежественные, полные ненависти фермеры высмеивали его отца и заставляли давать более высокую цену за металлолом и овчину только потому, что тот был евреем. Однажды Зигберт с отцом остановились у фермы километрах в восьми от городка. Рядом со старым деревянным амбаром стоял фермер и смотрел на них. У его ног была стопка овечьих шкур на продажу. Пока Исидор торговался с фермером по поводу цены на шкуры, Зигберт подошел ближе к амбару и заглянул в открытое окно. Он увидел, что сыновья фермера забивают там свиней, разделяют туши на куски и кладут конечности и внутренние органы в мясорубку высотой им по пояс. Зигберт допустил ошибку, решив зайти в амбар, чтобы посмотреть поближе. Сыновья фермера увидели его, схватили, подняли за ноги и стали раскачивать над зазубренным лезвием мясорубки. «Сейчас сделаем еврейский фарш», – смеялись они. Когда Зигберта наконец поставили на пол, он с плачем выбежал из амбара.

С этого времени Зигберт избегал детей и подростков и старался водить компанию со взрослыми. Когда занятия в школе заканчивались, он отправлялся по магазинам и трактирам

Кроянке, где мужчины и женщины общались, вели дела и разговаривали о взрослых проблемах. Он наблюдал за их карточными играми и учился судить по их лицам и жестам, у кого карты хорошие, а у кого не особенно. Мать научила его тому, что сама знала о взрослой жизни, например «никогда не занимать деньги у бедняка», и называла его настоящим пронырой за тот интерес, который он проявлял к взрослой жизни. Деревенские мальчишки в выражениях не стеснялись и за то, что он все время совал нос в дела взрослых, звали его помойной хрюшкой.

Несмотря на все сложности, многие евреи, в том числе и Вильциги, гордились тем, что их семьи столетиями живут в Германии. Вильциги обитали в стране на протяжении более шести поколений; отец Зигберта, как и другие евреи в этом регионе, во время Первой мировой войны был солдатом и считал себя в первую очередь германцем, а уж затем евреем. Все изменилось после прихода к власти Гитлера в 1932 году. Раввин Лео Бек, выступая в 1933 году на конгрессе еврейских организаций, заявил: «Тысячелетняя история германского еврейства близится к концу»⁷. В небольших городках и деревнях немецкие евреи больше не могли игнорировать нарастающую угрозу нацизма.

В 1936 году для евреев вести дела в Кроянке стало невозможно. Ненавистники евреев распространяли слухи о том, что тот или другой еврей позволил себя антинацистские замечания, и такие доносы были для мэрии достаточным основанием, чтобы отобрать у еврея бизнес. Вильциги бежали в Берлин: ходили слухи, что евреи все еще могут продержаться в немецкой столице. Вскоре там должны были пройти Олимпийские игры, и под пристальным вниманием всего мира и зарубежной прессы берлинцы, как бы они ни ненавидели евреев, должны были вести себя смирно.

Сначала дела Вильцигов после переезда в Берлин действительно пошли в гору: они стали торговать одеждой. Зигберт посещал начальную школу, где училось 1500 еврейских детей. После школы он два года ходил в ремесленное училище. Все изменилось, когда германское правительство стало ограничивать евреев во всех аспектах частной и общественной жизни. С 1936 года еврейским детям было запрещено посещать школу, так что образование Зигберта внезапно подошло к концу. Бизнес у евреев отобрали или просто закрыли, а еврейских мужчин начали направлять на принудительные работы на заводы и фабрики.

К 1938 году большинство мужчин, способных носить оружие, уже состояло в германской армии. Оставшихся в промышленности было явно недостаточно, чтобы удовлетворить потребности той самой армии. Полиция отлавливала всех, кого могла, и старых и молодых, отправляла их на рабский труд на фабриках и заводах и накладывала серьезные наказания за отсутствие на работе или невыполнение плана.

В 1943 году шестнадцатилетний Зигберт был на ночной смене на ламповом заводе Вебера, когда в цех вошел офицер и арестовал его. На офицере была коричневая шерстяная куртка с деревянными пуговицами – стандартная униформа обычной полиции, а не черная одежда с блестящими медными пуговицами, какую носили эсэсовцы, работники гитлеровской тайной полиции. По своему опыту Зигберт знал, что большинство полицейских не были членами нацистской партии, так что этот парень, вероятно, был обычным полицейским, который просто делал свою работу. Кроме того, как решил Зигберт, если бы это был офицер СС, он отвез бы Зигберта в полицейский участок на легковой машине. А они поехали на грузовике – по пустым улицам мимо темных зданий.

«Я не хочу в тебя стрелять, – сказал полицейский. – Но если ты попытаешься убежать, мне придется».

«Хорошо, слово чести, – ответил Зигберт. – Ты можешь делать со мной все, что тебе нужно. Стрелять тебе не придется. Я буду сидеть здесь, рядом с тобой». Он протянул полицей-

⁷ Goldschmidt H. L. The Legacy of German Jewry. New York: Fordham University Press, 2007. P. 207.

скому свою грязную руку, и тот пожал ее. Руки Зигберта были грязными после трудового дня. Ламповая фабрика Вебера больше не делала лампы. Мощности переоборудовали под производство оружия, которое требовалось германской армии на войне.

В течение двух предыдущих лет Зигберт работал по шесть дней в неделю по двенадцать часов в день. Половину месяца у него была дневная смена, вторую половину – ночная. По большей части на заводе делали алюминиевые оболочки для бомб, которые поставлялись в Африку в армию фельдмаршала Роммеля⁸. Работа Зигберта заключалась в том, чтобы крепить оболочки мин на моторизованное колесо, которое вращалось, как вертикальный токарный станок. Когда оболочка поворачивалась, Зигберт вдавливал твердый стальной резец в металлическую поверхность оболочки, проделывая желобки. Из-под резца вырывались острые спиральные опилки, и иногда, чтобы замедлить работу, он бросал пригоршню опилок в отверстие, где станок смазывался маслом, чего порой было достаточно, чтобы сжечь мотор. При этом нужно было быть очень осторожным: если бы это заметил рабочий-нееврей, на него бы донесли.

Зигберт предположил, что это и могло быть причиной ареста. Симпатичная немка-христианка, работавшая рядом с ним, определенно знала, чем он порой занимается. Но он надеялся, что донесла на него не она: порой она оставляла ему немного хлеба в бумажном пакете и, как он хотел верить, флиртовала с ним – обычные фантазии шестнадцатилетнего подростка о романе с женщиной вдвое старше его. До того как начать работать на фабрике Вебера, он был знаком с красивой девушкой по имени Мариан, чья семья жила в модном пригороде Берлина Шарлоттенбурге. Раз в месяц днем в воскресенье Зигберт и Мариан проводили время вдвоем в уголке местного еврейского кладбища, где никто не мог бы их обнаружить. Потом он подумал и о другой девушке, которая работала рядом с ним на фабрике Вебера, всегда смотрела на него с обожанием и всегда носила темно-зеленое пальто. Однако сейчас было не время думать о девушках.

Полицейский наклонился к нему и прошептал: «На тебя есть данные».

Какие данные? Зигберт не мог понять. Сведения о нарушениях, содержащиеся в полицейском участке, в 1943 году были достаточным основанием для депортации еврея из Берлина. Тут он вспомнил, что пятью годами раньше, когда ему было одиннадцать, его застали выходящим из кинотеатра. Евреям запрещалось посещать подобные публичные заведения. В то время фильмы с Ширли Темпл собирали в кинотеатрах настоящие толпы. Немцы особенно полюбили светловолосую голубоглазую американскую чудо-девочку. Немецкие производители игрушек продавали коллекционные куклы Ширли Темпл. Табачная компания Ross Verlag предлагала «бонусные карточки» с Ширли Темпл в каждой пачке сигарет Zuban. Зигберт не особенно интересовался Ширли Темпл, но перед каждым сеансом в кинотеатрах крутили выпуски новостей, а их стоило посмотреть. В новостях рассказывалось, что происходит в остальном мире, а чем больше он будет знать об остальном мире, тем выше его шансы на спасение.

Зигберт нашел способ попадать в кинотеатры. Вместо того чтобы вышить желтую звезду Давида на куртке, как предписывалось всем евреям законом, он прикалывал ее булавкой, так что при покупке билета просто откреплял ее от одежды. После сеанса он снова прикалывал звезду, перед тем как выйти из здания, но в тот раз полиция поджидала прямо у кинотеатра и видела его манипуляции. Один полицейский подозвал его, осмотрел звезду и укололся булавкой. Хотя Зигберт был еще слишком мал, чтобы удерживать его надолго, и вскоре был отпущен домой, этот инцидент был занесен в полицейские протоколы. И вот сейчас он вновь был арестован, сидел в грузовике, представлял себе, как нацисты его убьют, и думал, не отправят ли его в одном из тех вагонов для скота, о которых шептались уже многие. За несколько лет до этого, когда полиция взялась за евреев, полицейские явились к ним на квартиру. Они увидели

⁸ Иоганн Эрвин Ойген Роммель (1891–1944) – немецкий генерал и военный теоретик. Известный как Лис Пустыни, он был фельдмаршалом вермахта нацистской Германии во время Второй мировой войны.

на стене гостиниой медаль, полученную его отцом Исидором Вильцигом за Первую мировую войну, и молча удалились: с героями войны, даже с евреями, нужно было считаться. Но это произошло до «Хрустальной ночи» (Kristallnacht) в ноябре 1938 года, когда нацисты разгромили витрины еврейских магазинов, сожгли синагоги и арестовали 30 тысяч еврейских мужчин, включая старшего брата Зигберта, Джо, отправив их в концентрационные лагеря. Куда бы Зигберта сейчас ни везли, он понимал, что военные заслуги отца ему уже не помогут.

Грузовик остановился перед ветшающим доходным домом, где семья Вильциг жила со времени переезда в Берлин. Обитатели дома собирались на улице, вынося все, что могли взять с собой: еду, одеяла, простыни, посуду, профессиональные инструменты и личные вещи. Полицейский взял его за руку и велел присоединиться к какой-нибудь группе людей в ожидании депортации.

«Печатные машинки тоже берите! – кричал офицер СС растущей толпе людей. – И головки швейных машинок! Вас переселяют в безопасное место, где всем найдется работа!»

Зигберт понимал: нельзя верить ничему, что говорят нацисты. Он опасался самого худшего.

В одной из групп, ожидавших депортации, Зигберт увидел отца, мать и старшего брата Вилли. Рядом стояла его самая старшая сестра Марта, вместе с мужем и семилетним сыном. Другие братья Зигберта, Луис и Мартин, ждали погрузки в другой группе. У всех были чемоданы и сумки с едой. Полиция сгоняла всех в открытые грузовики. Зигберт забрался в один из грузовиков и увидел, что все его родственники тоже разошлись по грузовикам. Караван тронулся.

Через двадцать минут грузовики прибыли на окаймленное деревьями поле, где по выходным в теплую погоду Зигберт частенько наблюдал за тем, как богатые берлинцы ездят верхом. С полем граничила железнодорожная ветка. Эсэсовцы стали выталкивать людей из грузовиков и приказали строиться вдоль ветки, крича, что скоро придут поезда и увезут их в новое место проживания. Народу было очень много, и Зигберт потерял из виду своих родных. Издалека он увидел девушку в темно-зеленом пальто, одинокую и потерянную, а еще дальше заметил прекрасную Мариан из состоятельной шарлоттенбургской семьи – она стояла вместе с родителями. Мариан помахала ему, приглашая присоединиться. Зигберт помахал в ответ, но затем, подумав, бросился к девушке в темно-зеленом. Он напомнил себе, что она тоже происходила из бедной семьи, и все, чего она хотела, – это держать его за руку. Он почувствовал гордость, когда предпочел ее богатой и прекрасной Мариан.

«Теперь уже неважно, что со мной будет», – прошептала ему девушка в темно-зеленом пальто.

«Я не был ни принцем, ни Альбертом Эйнштейном, – рассказывал Зигги Нартелям, – но она смотрела на меня так, как будто я был тем и другим. Она не знала, где ее семья. У нее никого не было, и теперь она знала, что я ее не оставлю».

Этим людям пришлось провести на поле три дня, прежде чем приехал поезд. Зигберт и девушка в зеленом пальто доели всю еду, что была у них в карманах. На третий день поезд все же прибыл. Охранники стали вталкивать людей в вагоны для скота – по восемьдесят, по девяносто, по сто человек и более – и всунули в руку каждому по куску хлеба. Никто не знал, насколько долгим окажется путешествие. Сколько им предстоит продержаться на этом куске хлеба? Зигберта и девушку в темно-зеленом пальто впихнули в один вагон для скота, людей тесно прижали друг к другу, поезд тронулся. Сквозь щели видна была табличка: «НАПРАВЛЕНИЕ – КРАКОВ».

Поезд ехал медленно. Прошли сутки, другие, третьи. Воды не было. В вагоне для скота ехало больше сотни человек, хотя он был бы слишком тесен и для пятидесяти, и большинству пришлось простоять все четыре дня поездки. Только тонкий луч света проникал сквозь щели

в деревянных досках стены вагона. Поезд ни разу не остановился. Облегчались прямо в ведро, которое быстро переполнилось, и его зловонное содержимое разлилось по деревянному полу. Зигберт видел, как умерли несколько пожилых людей – одни от голода, другие, возможно, от недостатка воздуха: окон в вагоне для скота не было. От боли и страха многие стонали. Зигберт и девушка в темно-зеленом пальто не теряли друг друга из виду.

Через четыре дня поезд остановился на запасном пути где-то в Польше. Была ночь. С лязгом отворились двери, и в лицо стали резко светить рефлекторные лампы. Охранники в униформе по-немецки скомандовали всем выстроиться вдоль длинной платформы; тех, кто двигался недостаточно быстро, избивали на месте.

«Если вас там не было, – вспоминал Зигги через много лет, – вы просто не сможете представить себе этот чудовищный кошмар».

Зигберт слышал, как другие узники произносят название этого места: Освенцим (Аушвиц-Биркенау).

3

Освенцим

В интервью после освобождения выжившие узники вспоминали, как прибывали на разгрузочную платформу в Биркенау⁹. Одни описывали тошнотворный запах; другие упоминали языки пламени в ночном небе от сжигания тел в печах лагерных крематориев. Третьим узникам запомнился лай собак, четвертым – звуки скрипок. Нацисты, как выяснилось впоследствии, формировали из заключенных музыкантов оркестры и заставляли их играть, когда их товарищи по лагерю маршировали на работу. В видеоинтервью 2002 года для Shoah Foundation Зигги так описывал свои первые впечатления: охранники в униформе с иголки потрясают кнутами и дубинками и кричат на прибывших, чтобы те побыстрее выходили и оставляли в куче все свои пожитки.

С десяток мужчин и женщин из его вагона отказались оставаться без багажа. Охранники начали наносить им удары жесткими резиновыми прутьями, крича: *Raus! Raus! Antreten!* Те, кто не знал немецкого, не могли понять команду «Вон! Вон! Стройся!», и охранники избивали их за неподчинение.

В ту ночь, когда поезд Зигберга прибыл в Освенцим, шел снег, а на платформе станции Биркенау дул холодный ветер. Пытаясь вылезти из высоких вагонов для скота, многие пожилые люди теряли равновесие и падали. Грузовики, приехавшие, чтобы забрать узников в лагерь, проезжали прямо по ним, впечатывая в грязь их окровавленные тела. Потом подбегали узники в полосатых робах, грузили мертвые тела на тележки и куда-то увозили. Зигберт осматривал лица приехавших, но никого не узнавал. Где его отец и мать? Где братья и сестры? К нему подошел охранник в теплом зимнем пальто.

«Сколько тебе лет?» – прорычал он.

«Восемнадцать», – солгал Зигберт.

«Профессия?»

«Слесарь-инструментальщик», – солгал он снова.

Охранник толкнул Зигберта к очереди из узников слева, а девушку в зеленом пальто впихнул в правую очередь. Зигберт не знал ни того, что очередь справа состояла из узников, которых должны были сразу убить, ни того, что почти всех в возрасте до восемнадцати лет отправляли именно туда – вместе с детьми, пожилыми и больными, ни того, что направо посылали и всех, кто не мог похвастаться какими-то полезными навыками. Что побудило его солгать, объявив себя восемнадцатилетним слесарем-инструментальщиком? В ремесленном училище он действительно делал кое-какие инструменты, но так и не закончил обучение и не проработал инструментальщиком ни дня в своей жизни. Тайна этого импульса, который наверняка спас его от газовой камеры, преследовала его всю жизнь.

В правой очереди Зигберт заметил нескольких родственников, в том числе мужа его сестры Марты, который держал за руку их маленького сына. Они увидели Зигберта и жестами предложили присоединиться.

«Я не пошел, – вспоминал он полвека спустя. – Не знаю почему – может быть, я, как и другие дети в Западной Пруссии, привык подчиняться приказам чиновников. Как бы то ни было, я остался в левой очереди».

Зигберт указал на группу людей справа.

⁹ Исследователи подсчитали, что нацисты учредили около 42 500 лагерей и гетто в период с 1933 по 1945 г., включая 30 000 лагерей рабского труда, 1150 еврейских гетто, 980 концлагерей, 1000 лагерей для военнопленных, 500 борделей с секс-рабынями, а также тысячи других лагерей, где производилось уничтожение пожилых и больных. См.: <https://www.jewishvirtuallibrary.org/how-many-concentration-camps>.

«Куда их ведут?» – спросил он узника, который укладывал чемоданы.

Тот печально посмотрел на него, поднял изможденный палец кверху и нарисовал в воздухе спираль, изображая дым от печей крематория. Но только что прибывший Зигберт понятия не имел, что значит этот жест.

«Еврей, выросший в те годы в Германии, – объяснял впоследствии Зигги репортеру, – мог ожидать, что его будут бить и унижать. Но газовая камера? Крематорий? К такому мы не были готовы. Смерд и дым из печей – и они делали это с детьми! *Они делали это с детьми!* Я до сих пор слышу крики детей, которых отрывали от родителей. Не могу ничего поделаться с воспоминаниями. Я до сих пор говорю Всевышнему, что если перестану слышать эти крики, то буду чаще ходить в синагогу. Языки пламени, вырывающиеся из крематориев, омерзительный смерд – все это было невероятно».

Зигберт вновь осмотрел очередь справа и заметил девушку в темно-зеленом пальто. Как будто увидев ее впервые, он подумал: «Она выглядит такой юной и невинной». Когда охранники вводили ее от остальных, на платформу падал снег. Мгновением позже ее не стало.

Зигберта вместе с тридцатью другими узниками, признанными годными к работе, втолкнули в грузовик, который вскоре тронулся в ночную тьму. Не прошло и двадцати минут, как они приехали в Буна-Моновиц – отделение Освенцима, в котором находились фабрики рабского труда. Из ближайших зданий доносился запах синтетического каучука.

«Как только мы приехали, нас отправили под так называемый душ – в ледяную воду, – вспоминал он. – Потом нас заставили быстро одеться в полосатые робы, шапочки и рваные туфли с деревянными подошвами. Потом нам обрили головы и заставили бежать в другое здание, метрах в ста от первого, чтобы нам на руке вытатуировали лагерные номера. Несколько человек во время бега упали в грязь, но мы быстро научились не оглядываться: если охранник ловил тебя на этом, тебя избивали. Грязь была повсюду, везде были лужи, а те, кто упал и лежал в грязи и пыли, даже уже не казались людьми. Они выглядели как кучи лохмотьев».

Попав внутрь, Зигберт оказался перед узником, одетым в белую куртку поверх полосатой робы и штанов. Тот вонзил в левую руку Зигберта иглу, и кровь лилась струей, пока на руке татуировался номер 104732¹⁰.

Отойдя, Зигберт безуспешно попытался высосать чернила. Тут к нему и остальным подошли *капо* – узники, назначенные эсэсовцами надзирать за принудительным трудом, – и погнали всех по баракам. Он в изнеможении опустился на деревянную койку, покрытую тонким слоем соломы. Сквозь деревянные стены барака он слышал выстрелы и крики людей. Впоследствии он узнал, что это расстреливали узников, пытавшихся сбежать. Другие, как он тоже выяснил позже, лишившись всех надежд на спасение, решали совершить самоубийство, бросаясь на колючую проволоку под напряжением, ограждавшую лагерь.

В три или четыре утра – времени никто не знал, но было еще темно – в барак вломился охранник, криками приказав заключенным строиться. Как только они выстроились в шеренгу, он завопил: *Mützen auf! Mützen ab!* Зигберт свободно говорил по-немецки и сразу понял слова и стоявшую за ними браваду. Ему доводилось сталкиваться с такими типами в Кроянке. Они требовали от евреев уважения, так что он встал по стойке смирно, шелкнул каблуками, сорвал шапку, отдал честь и пролаял: *Jawohl, Herr Kommandant!* – «Да, господин комендант!» Это

¹⁰ Документы, опубликованные после войны, свидетельствуют, что из 1 300 000 человек, попавших в Освенцим, примерно 400 000 татуировали на руке серийные номера. Во избежание слишком больших номеров в мае 1944 года руководство СС ввело новую нумерацию. Согласно ей, номер начинался с буквы «А», после чего следовали числа от 1 до 20 000. Как только достигалось значение 20 000, вводилась новая серия, начинавшаяся с буквы «В». Сравнительно небольшой номер Зигги – 104732 – говорил о том, что он провел в лагере много времени. Судя по его воспоминаниям, это позволило ему заработать уважение со стороны других узников.

был умный ход со стороны Зигфрида – психологически завоевать доверие охранника, сразу присвоив ему звание начальника лагеря. Охранник улыбнулся.

Некоторые из новоприбывших по-немецки не говорили и не знали, что *Mützen auf! Mützen ab!* – это «Снять шапки! Надеть шапки!»¹¹, поэтому шапок и не сняли.

«За неподчинение приказаниям охранник избил троих, – вспоминал Зигги, – в назидание другим узникам: дескать, вот что будет с ними, если не реагировать на приказы. Так-то нас встретили в первый день, и охранник повторял ту же процедуру с каждой партией новоприбывших. По любому поводу, если чья-то рука поднималась недостаточно быстро или недостаточно высоко – или не поднималась вовсе, он брал кусок резинового шланга, армированный медной проволокой, и избивал таких людей. Был у него и другой способ причинять боль: если недостаточно быстро реагировать на его команды, он бил тебя кулаком и потом добавлял локтем. Если ты переносил первый удар, второй тебя добивал. То же самое следовало, если узники не заправляли кровать так, как ему нравилось, – продолжал Зигги. – Это была всего лишь горсть соломы, измазанная мочой и фекалиями, брошенная на деревянные доски и прикрытая бумажным одеялом, так что, казалось бы, заправить постель было несложно. Но охранники были садистами, которые готовы были убивать по любому поводу; особенно жестоким был этот первый. Он получал огромное удовольствие, избивая до смерти любого, кто носил очки или просто выглядел умным или образованным. Нацисты открыли все тюрьмы Германии и приняли на работу в лагеря закоренелых преступников, которых сделали надсмотрщиками над такими детьми, как я, а также над священниками, юристами, учителями и всеми, кого считали своими врагами»¹².

«Понимаете, – рассказывал Зигги интервьюеру, – я мог перехитрить охранников и поэтому чувствовал свое превосходство. Я ненавидел их. Я ненавидел их жестокость, их бесчеловечность. Я считал себя сильнее и умнее и с детства был уверен в себе. С детства я считал себя очень умным человеком. Так что, несмотря на их оружие и все эти убийства, я чувствовал свое превосходство. В этом, безусловно, была определенная наглость – частично оправданная, а частично нет, но даже в такой безнадежной ситуации я смотрел на них сверху вниз».

С 1933 по 1945 год в нацистской Германии было создано около 42 000 различных лагерей для заключения евреев и других «врагов рейха», собранных со всей Европы: концентрационные лагеря, трудовые лагеря, лагеря для военнопленных, пересыльные лагеря, а также центры убийств, именовавшиеся лагерями уничтожения или лагерями смерти¹³.

Освенцим был не только крупнейшим концентрационным лагерем, но и самым большим лагерем смерти.

¹¹ Зигберт говорил не только на немецком и на идише: у него был талант к языкам, и за неполные два года в лагере он научился объясняться на польском, русском, румынском, греческом и ладино. Впоследствии он предполагал, что языковое чутье могло стать одной из причин его спасения.

¹² Ненависть охранников к узникам концентрационных лагерей подпитывалась двумя «фактами» нацистской пропаганды. Один из них гласил, что немцы обладают расовым превосходством над евреями: это «чистая» нация, которой уготовано править миром. Второе положение заключалось в том, что евреи – это не совсем люди, а скорее болезнь, от которой нужно очистить человечество. Немцы, согласно этой концепции, были морально обязаны принять участие в чистке. Эта идея, названная историком Саулом Фридендером «искупительным антисемитизмом» и заключающаяся в максимальной поляризации немцев как вершины цивилизации и евреев как низших элементов, наряду с поддерживаемым правительством стремлением полностью искоренить еврейскую расу, подпитывала антипатию к узникам лагерей и оправдывала любую жестокость в их отношении. Увеличивал степень насилия и еще один фактор: обнаруженные после войны материалы показали, что профессиональных преступников, освобожденных из немецких тюрем, назначали на ответственные посты в концентрационных лагерях, чем многие из них злоупотребляли. «Гесс молчит о том, в чем открыто признавался в заключении его помощник Ганс Аумайер: в Освенциме старших охранников назначали на этот пост за склонность к садизму. Он подтвердил, что большинство из них были профессиональными преступниками» (см.: *Langbein H. People in Auschwitz*. Chapel Hill, NC: The University of North Carolina Press, 2004. P. 144).

¹³ См.: <http://www.ushmm.org/research/publications/encyclopedia-camps-ghettos>.

Чтобы дать место растущему числу узников, немцы освободили около 47 квадратных километров земли от местных жителей. После эвакуации жителей шести близлежащих деревень площадь Освенцима составила более 4000 гектаров. В трех километрах от главного лагеря находилась станция, куда днем и ночью приходили поезда с депортированными. В Освенциме было уничтожено от 1,1 до 1,3 миллиона человек, включая синти и рома («цыган»), советских военнопленных, политических заключенных и «антисоциальные элементы». Но девять из десяти жертв Освенцима были евреями.

Изначально убийства мужчин, женщин и детей, прибывавших в Освенцим, происходили в импровизированных газовых камерах, но вскоре их оказалось недостаточно, потому что число жертв постоянно росло. В начале 1943 года в Биркенау было построено четыре крупных и эффективных крематория, в каждом из которых была своя газовая камера. Эти новые газовые камеры были вместительными: в каждую можно было втолкнуть по 2000 человек за раз. К концу февраля, когда прибыл эшелон Зигберта, казни вручную в Освенциме были заменены конвейерными линиями, которые «производили» более 4000 жертв в сутки.

Более чем из миллиона евреев, отправленных в Освенцим за пять лет существования лагеря, всего около 200 000 были отобраны для принудительных работ, поселены в лагере и зарегистрированы в качестве заключенных. Обнародованные после войны документы свидетельствуют, что в одном эшелоне с Зигбертом прибыло около 3800 человек. Он стал одним из шести сотен переживших первый отбор, во время которого начальство лагеря решало, кто пригоден для рабского труда, а кто нет – и, соответственно, должен быть казнен. За последующие двадцать три месяца он пережил еще с десятков таких отборов, два из которых были проведены под руководством зловещего доктора Менгеле¹⁴.

В Буне-Моновице Зигберт был одним из примерно 80 000 подневольных рабочих, трудившихся на немецкую военную промышленность. День начинался в половине пятого утра, когда узники должны были выбегать из своих бараков на *Appelplatz*, то есть площадь для переключки, где стояли по несколько часов независимо от погоды, пока не завершится подсчет заключенных. Каждого, кто был слишком слаб, чтобы стоять, уводили на казнь.

Следующим пунктом в распорядке дня была сама работа. Узники должны были маршировать к рабочим местам, расположенным как внутри лагеря, так и за его пределами, подчас даже в десяти километрах. Рабочий день длился по двенадцать часов и больше; отдых не разрешался. Зигберт должен был копать дренажные каналы, укладывать кабели и таскать камни для мощения дорог¹⁵. Материалы привозили на грузовиках, и охранники бдительно следили за тем, как Зигберт пытается разгрузить мешки с цементом весом по полцентнера и длинные металлические арматурные прутья. Каждый из таких прутьев несли трое заключенных. При любой возможности Зигберт старался оказаться средним из них, что позволяло немного освободить плечи, так как основной вес приходился на более высоких мужчин по краям прута. Когда охранники велели ему становиться вперед или назад, грубые металлические прутья прорывали его ветхую одежду, отчего плечи начинали болеть и кровоточить. Зигберт ждал, пока

¹⁴ Йозеф Менгеле (1911–1979) получил прозвище Ангел Смерти за бесчеловечные эксперименты на людях в Освенциме и свою роль в выборе жертв газовых камер. В январе 1945 г. Менгеле перебрался в концентрационный лагерь Гросс-Розен всего за десять дней до освобождения Освенцима советскими войсками. После войны он бежал в Южную Америку, где до конца жизни так и не был посажен в тюрьму.

¹⁵ Нацистский режим считал уничтожение всех евреев своей первоочередной задачей, которую нужно решить любой ценой. Однако рабочие были нужны, так что лагерная система предусматривала, что некоторые евреи могут пока остаться в живых. Их называли *Arbeitsfaehige*, то есть способными работать, и временно освобождали от газовых камер. Однако даже владение необходимыми навыками не давало евреям гарантий, что их не убьют за малейший проступок. Переживший Освенцим писатель Тадеуш Боровский вспоминал о сотруднике лагеря по имени Зепп – «ужасе всех кровельщиков», который сбрасывал узников с крыши из-за плохо прибитого гвоздя (см.: *Langbein H. People in Auschwitz*. Chapel Hill, NC: The University of North Carolina Press, 2004. P. 161).

охранники отвернутся, отрывал уголки от бумажных мешков с цементом и прокладывал ими плечи.

«Если бы охранники увидели, как я разрываю мешки, меня бы непременно избili, – объяснял он. – Но боль в плечах была ужасной, так что я решил, что можно рискнуть. Работа была очень тяжелой и рано или поздно доконала бы меня, так что мне надо было найти способ как-то спастись».

Однажды утром, по дороге на работу, он услышал, что эсэсовцы приказывают группе заключенных поступить в бригаду каменщиков. Зигберт вышел из шеренги, подбежал к ним, стянул шапку и отдал честь.

«Класть кирпичи? – сказал он, сжимая шапку. – Я шесть месяцев работал каменщиком».

Он понимал, что заключенный не должен смотреть в глаза офицеру СС, даже если он при этом вызывается сделать какую-то работу. После войны многие узники клялись, что даже не знали, как выглядят их мучители, и могли сказать лишь, что все они носили ботинки, поскольку не осмеливались поднять глаза и посмотреть им в лицо, а не то что заговорить с ними: это было запрещено и могло стать поводом для сурового наказания. Ложное заявление о владении какими-то особыми навыками несло еще больший риск¹⁶. Охранники смотрели на полумертвого наивного подростка.

«Почему бы и нет?» – сказал один из них, пожав плечами.

Зигберта перевели в бригаду каменщиков и приказали ему научить остальных каменщиков всему, что он знал сам.

«Мне стоило больших сил не улыбнуться, – смеясь, рассказывал он впоследствии. – Я знал о ремесле каменщика не больше, чем вы знаете о танце живота. Но я учился, работая с ними, и каждый день я узнавал что-то новое. Поэтому я учил одних каменщиков тому, что узнавал от других. В Освенциме можно было либо пойти в газовую камеру, либо Всевышний оказывался на твоей стороне и подавал тебе идею, как пережить еще один день».

Кирпичи клали на открытом воздухе под дождем и на холоде, так что здоровье Зигберта быстро ухудшалось.

«Я хотел попасть в больницу для узников в Буне, чтобы получить работу получше и в помещении, – вспоминал Зигберт. – Врачи больницы даже не пытались спасти пожилых заключенных – их сразу отправляли в газовые камеры. Лечили только молодых. Но я был не так уж болен, так что меня тоже, скорее всего, не приняли бы. Чтобы попасть в больницу, мне нужно было обладать нужными навыками. Однажды я проник туда и услышал, как один врач из заключенных разговаривает с кем-то по-польски. Я немного владел польским и спросил: “Нужна помощь? Я раньше работал медбратам”. В общем, этот врач взял меня на работу. Он не озаботился разобраться, знаю ли я хоть что-то о работе медбрата. Его просто впечатлило то, что я умею говорить по-польски... В первый день в больнице, – вспоминал дальше Зигги, – капо заставили меня грузить пациентов-евреев в грузовик. Я до сих пор не могу забыть, как эти пациенты проклинали меня за то, что я не лгал охранникам, не говорил: мол, вот этот здоров, вон тот здоров... Узники думали, что медбрат вроде меня может их спасти. Но у меня не было такой возможности. Я просто грузил их в грузовик. Я знал, куда их везут, но отказывался сознавать, что это я отправляю их на смерть. Поэтому я говорил себе, что грузовик перевозит их поправляться в другую больницу или, может быть, в другой лагерь. Через три часа грузовик вернулся с их одеждой. Все люди были мертвы».

В больнице восемь пациентов распихали по койкам, предназначенным для четверых. Эти койки представляли собой деревянные поддоны, покрытые соломой, смешанной с фекалиями, мочой и гноем. Пациентов не мыли неделями, от их тел пахло так, что вонь чувствовалась изда-

¹⁶ Langbein H. People in Auschwitz. Chapel Hill, NC: The University of North Carolina Press, 2004. P. 161.

лека. Канализации в больнице не было, и узники облегчались в ведра, которые быстро переполнялись, так что пол превращался в болото из человеческих испражнений. Во всех помещениях больницы было множество блох и вшей. У врачей из числа заключенных не было никаких материалов, и раны перевязывали самодельными бинтами из клочков бумаги и грязных лохмотьев. Страдающим диареей предлагали проглотить кусок угля, а часто единственным средством лечения было ободряющее слово. Каждый день пациенты умирали десятками, а в мертвые тела, которые долго не увозились, вгрызались крысы.

«Ни в коем случае нельзя считать, что это была настоящая больница, – предупреждал Зигги. – Не говорите своим друзьям: “Эй, там явно было не так уж плохо, Зигги говорил, что там даже больница была!” В этой так называемой больнице при лечении отдавали предпочтение христианам, но если уж ты был евреем, то вряд ли мог выбраться оттуда живым».

Физическое уничтожение было predeterminedено всем евреям, здоровым и больным, с момента попадания в Освенцим, а немногие спасшиеся, подобно Зигги, всю жизнь терзались вопросом, как им это удалось.

Однажды врач взял Зигберга в палату, где пациенты были уже при смерти. Оглядевшись, Зигберт увидел на одной из нижних коек своего отца.

«Предположим, что в Освенциме содержалось около сотни тысяч человек, – объяснял Зигги. – Найти среди них моего отца было маленькое чудо. Он был сильно избит, до такой степени, что...» Вспоминая этот момент, он прослезился, а затем продолжил: «Я понимал, что он не поправится. Последними словами отца были: “Сын мой, в Берлине и ты, и твоя мать соблюдали кашрут, даже когда из еды оставались только хлеб да брюква. Но здесь тебе понадобится вся твоя сила, и ты остаешься один. Кто о тебе позаботится?”»

«Не беспокойся, у меня есть друзья», – уверил его Зигберт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.